

1 (14) мая

Мученица
Нина (Кузнецова)

Великая сия тайна есть – как выбирает человек путь жизни духовной, как обретает душа пути к рекам воды живой, текущим в жизнь вечную, и, испив из их чистых источников, уже не желает вернуться к призрачным ценностям мира сего. Только здесь, в Православной Церкви, у Креста Христова, под покровом Матери Божией душа обретает подлинный мир, истинное измерение всех ценностей и качеств, когда она может обо всем мире судить, не осуждая. «Душевный человек не принимает того, что от Духа Божия, потому что он почитает это безумием; не может разуметь, потому что о сем надобно судить духовно. Но духовный судит о всем, а о нем судить никто не может» (1 Кор. 2, 14-15).

Мученица Нина

Северная Русь завоевывалась и утверждалась не доблестью воинской, а благодатной силой подвижников. Вместе с подвижниками-монахами там просиял преподобный Леонид Устьнедумский, мощи которого покоятся в городе Лальске, и подвижники-миряне, как святой праведный Прокопий в Великом Устюге. Настоящая, подлинная история Руси – это история ее подвижников, без них она бессодержательна и пуста, как проходной двор для различных народов, не имеющий самостоятельной истории.

В XX веке многие мученики, прежде украшения мученически ми венцами, явили себя большими подвижниками, подвизаясь иные в постничестве, иные в юродстве, иные в странноприимчестве и делах милосердия.

Нина Кузнецова с родителями

Мученица Нина родилась 28 декабря 1887 года в заштатном городе Лальске* Вологодской губернии в благочестивой семье урядника Алексея Кузнецова и жены его Анны. Она была единственным ребенком, и родители любили ее до чрезвычайности. Они мечтали выдать дочь замуж, но Нина с детства любила только молитву, монастыри и духовные книги. Храмов тогда было немало, в одном только Лальске – восемь, хотя в те годы это было всего лишь небольшой город с числом жителей, не превышавшим тысячу человек. Посмотрел отец на тяготение дочери к духовному и счел неразумным настаивать на выборе дороги семейной и препятствовать ее духовным устремлениям, – отдал ей под келью амбар, в котором сам смастерил полки, и стал приглядывать по монастырям и церковным лавкам и покупать для нее духовные книги. Так у Нины собралась богатая библиотека, и не было для нее большего утешения, чем чтение книг. Она много молилась, многие молитвы знала наизусть, на память читала Псалтирь. В постоянной молитве и трудах душа ее возрастала и укреплялась в чистоте и добродетелях и устремлялась к совершенству. Тогда же она стала принимать, по евангельскому завету, странников и людей обездоленных. Родители примирились с выбранным ею жизненным поприщем, да и сами уже видели, что наступило время гонений, – и уж какая теперь счастливая семейная жизнь, когда христиан повсеместно начинают преследовать, мучить и убивать.

* Ныне это поселок в Лузском районе Кировской (Вятской) области.

В 1932 году власти арестовали Алексея и Анну; они были уже в преклонных годах и, не выдержав тягот заключения, вскоре скончались. Власти собирались арестовать вместе с ними и Нину, но во время ареста родителей ее разбил паралич, и они оставили Нину дома. До конца жизни потом она с трудом передвигалась и почти не владела правой рукой: когда нужно было перекреститься, она всегда помогала себе левой рукой. По причине ее тяжелой болезни ей оставили дом и имущество, которыми она распорядилась как нельзя лучше. Дом был большой, пятистенный, с огромной кухней, где на полатях умещалось до двадцати человек, да на печи пять; была еще большая комната, которая вся занималась народом, в основном женщинами, у которых были арестованы мужья, а имущество отобрано. Все они шли к Нине, у которой находили приют и пропитание.

После закрытия в начале революции Коряжемского монастыря братия его перебралась в Лальск, и здесь образовался монастырь из двенадцати монахов. Под храмом, в бывшем складском помещении, они сложили печь, прорубили два окошка, перегородили склад надвое, и у них получилось две кельи. Здесь они жили, а служили в лальском соборе и в своей жизни, и в церковной службе сохраняя монастырский устав и монашеское благочестие. Настоятелем монастыря стал игумен Павел (Хотемов). Родом он был из зырян, из глухой деревни неподалеку от Усть-Сысольска*. Грамоте его обучил благодетель учитель, который преподавал в городе, но каждое лето, возвращаясь домой, проходил через деревню, где жил мальчик с родителями. Учитель объяснял ему урок, давал задание на лето и уходил, а на обратном пути проверял выполненное, делал свои замечания и давал новое задание – и так мальчик обучился грамоте. На всю жизнь отец Павел сохранил благодарность к своему учителю и поминал его за каждой литургией. Но еще больше он был благодарен тем, кто пробудил в нем интерес к грамоте духовной, любовь ко Христу и монашеской жизни. Был он подростком, когда деревенские женщины, собравшись идти пешком на богомолье в Киев, предложили его родителям взять его с собой. Он настолько поспешно собрался, что даже шапки не взял, а путешествие заняло год. Вот тогда, у мощей преподобных в пещерах Киево-Печерского монастыря, он только и открыл для себя, что это такое – спасительный монашеский путь. «Я за тех женщин, кто меня в Киев водил, каждый день молюсь, – говорил отец Павел. – Если бы не попал я тогда в Киев, то не стал бы монахом, а не стал бы монахом, то не спасся бы». – «А теперь, батюшка, спасешься?» – спрашивал его послушник Андрей Мелентьев**. «А как не спасусь?! Бесы меня потащат в ад, так я вот так руки расставляю да скажу: я христианин! Нет вам до меня дела!»

Отец Павел был большим подвижником. Он помнил на память больше шестисот имен людей, за которых всегда молился за литургией. Чтобы иметь возможность помянуть всех, он приходил в храм за несколько часов до начала обедни, совершал проскомидию и молился за каждого человека. Когда его спрашивали, что такое монастырь, он отвечал: «Монастырь – это семнадцатая кафизма и кислая капуста каждый день», – в простоте своего сердца выделяя для вопрошавшего главное – молитву и пост. Сам он постился весьма сурово. Бывало, принесет ему кто-нибудь домашнего печенья или ватрушек вкусных. Отец Павел

* Ныне город Сыктывкар.

** Впоследствии архимандрит Модест, служил в Великом Устюге, скончался в конце 1980-х годов.

посмотрит, пощупает и эдак скажет со смехом: «Ой, ой, сильно хорошие, да жалко». И уйдет. Эти ватрушки потом так и лежат, пока не засохнут. Нина забирала их уже сухарями, размачивала в ковше с водой и ела. Это и была вся пища подвижницы в течение многих лет.

После того как и этот монастырь в Лальске был властями закрыт, часть братии, и среди них игумены Павел и Нифонт, нашли приют в доме блаженной Нины.

Подвижнический «устав» блаженная соблюдала строго. Спала она четыре часа в сутки и в два часа ночи неизменно становилась вместе с монахами на молитву. И никогда она не пила ни чаю, ни молока, не ела сахара и ничего вкусного, а вся ее каждодневная пища состояла из размоченных в воде сухарей. И это при том, что в горнице у нее никогда самовар со стола не сходил – один вскипит, другой ставят, а за столом вокруг самовара люди сидят, чай пьют, обедают, полон двор лошадей, потому что и проезжие у нее останавливались: за постой платить не надо, да и искать не надо – дом блаженной Нины, урядниковой дочки, каждый укажет, а уж в доме все не по новому, советскому, а по простому, православному обычаю устроено – всякий здесь мог найти кров и какое-то пропитание; у кого был излишек хлеба, муки или крупы, те, уезжая, оставляли его для других. Гости хозяйки располагались обычно вокруг стола, но сама Нина никогда за стол не садилась, а в углу перед печью, у загородочки на чурбачке. Она никогда не спала на постели: ляжет в углу избы под умывальником, натянет калечными руками на голову одеяло, свернется калачиком и спит. В храме она присутствовала за каждой службой: устраивалась где-нибудь на клиросе и делала вид, что спит. Но стоило кому-нибудь запнуться в тексте службы, как она сразу подавала голос и говорила, что следовало дальше, потому что службу она знала наизусть. Зрение у отца Павла было худое, и он, зная, что блаженная в совершенстве знает службы и церковный устав, бывало, открывал из алтаря дверь и оттуда спрашивал: «Нинка, какое зачало Апостола и Евангелия читать?» Она тут же и отвечала: такие-то, и никогда не ошибалась.

В это время за псаломщика на клиросе был послушник Андрей Мелентьев. Многих, кто пел раньше в церкви, кого закулачили и кого уже выслали, а некоторые сами разъехались и попрятались. Остались только старушки-матушки да купчихи-старушки, да иных старушек еще насобирает псаломщик и с ними поет. А пока с ними поет, забудет вовремя нужный Апостол найти, а пора бывает уже читать выходить. Блаженная сидит на клиросе с закрытыми глазами, делая вид, что спит, и в этот момент говорит: «Открывай зачало...» – «Ну, не мешай, Нинка», – ответит послушник, а сам спешно ищет. Первое время он не верил, что она ему верно говорит, но потом, многократно убедившись в этом, уже не проверял. К тридцатым годам из монастырских священников остался только игумен Павел (Хотемов), и стали прихожане опасаться – сможет ли вести каждый день службу старец, который из-за возраста становится весьма немощным. Отец Павел хотел пригласить служить иеромонаха, только что вернувшегося из заключения, но староста храма испугалась, как бы совсем не закрыли церковь, если взять бывшего узника, и воспротивилась этому. Тогда пригласили протоиерея Леонида Истомина, служившего в селе Опарино. Он был родом из Великого Устюга, до революции был лесничим, а после революции, в самый разгар гонений на Церковь, выразил желание стать священником и был рукоположен. Очень переживали отец Павел и блаженная, а ну как придет мирской протоиерей и нарушит устав монастырский. Он придет

настоятелем – как его не послушаться, если он потребует сократить службу? Андрей Мелентьев сказал блаженной: «Нинушка, давай так уговоримся – не будем поддаваться, пока он сам не запретит. А и то – поспорим немножко. Скажем: батюшка, во-первых, собор, а во-вторых, в городе был монастырь, люди здесь просвещенные, понимают службу. Вот мы и держимся за церковный устав, чтобы пороку нам от людей не было. А если уж вы благословите – так и будет, как благословите». А заранее решили они священника ни о чем не предупреждать и не спрашивать. Отец Леонид, прослужив несколько первых служб, ничего не сказал, – так и осталась у них в соборе полная монастырская служба.

По молитвам и заступничеству блаженной Нины собор в Лальске долго не закрывался, хотя власти не раз предпринимали шаги к прекращению в нем богослужения. В начале тридцатых годов они все же распорядились закрыть собор, но блаженная стала писать в Москву решительные письма, собрала и отправила ходоков и действовала столь твердо и неотступно, что властям пришлось уступить и вернуть собор православным.

В начале 1937 года сотрудники НКВД арестовали протоиерея Леонида Истомина, псаломщика Андрея Мелентьева, старосту, певчих и многих прихожан лальского собора и последних, еще остававшихся на свободе священников ближайших приходов. Все они были этапированы в Великий Устюг и заключены в храм Архистратига Божия Михаила, который безбожники превратили в тюрьму. Православных поместили в небольшую камеру над алтарем, там же были собраны священники и диаконы из Лальска. Лежа служили всеобщие под большие праздники: священники, не приподнимаясь с нар, подавали вполголоса возгласы. Два года пробыл отец Леонид Истомин в тюрьме и лагере вместе со своими прихожанами, а затем его среди других священнослужителей отправили на лесозаготовки в Карелию. Условия содержания были такими, что заключенные вымирали почти целыми лагерями. Здесь и принял кончину протоиерей Леонид.

31 октября 1937 года сотрудники НКВД арестовали блаженную Нину, но обвинений против нее собрать не смогли. Полмесяца продержали они ее в лальской тюрьме, ни о чем не спрашивая и не предъявляя обвинений. Власти принуждали к лжесвидетельству против подвижницы многих людей, но согласился на это только один – заместитель председателя Лальского сельсовета. Он дал показания о том, что блаженная Нина является активной церковницей, которая не только противится закрытию храмов, но неустанно хлопочет об открытии новых. «Летом 1936 года, когда сельсовет намеревался закрыть церковь в Лальске, – показал он, – Кузнецова организовала кампанию, приведшую к срыву этого мероприятия, она собирала подписи и проводила собрания верующих, предоставляя для этой цели свой дом. В августе 1937 года сельсовет начал собирать подписи среди жителей Лальска, которые желали бы закрыть храм, но Кузнецова снова собрала собрание верующих в своем доме и, таким образом, сорвала мероприятие, намеченное к проведению советской властью. Когда был арестован псаломщик Мелентьев, Кузнецова сразу же стала хлопотать за него, просить, чтобы его освободили, брала его под защиту».

На основании этих показаний в середине ноября 1937 года блаженной Нине было предъявлено обвинение, и она была допрошена.

– Следствие располагает данными о том, что вы на протяжении ряда лет предоставляли свою квартиру для сборищ церковников, так ли это?

– Да, у меня в квартире до сих пор проживает священник Павел Федорович Хотемов, а также приходили другие верующие по вопросам церкви и службы в ней.

– Следствию известно, что вы по вопросу открытия лальского собора говорили: «Эта власть долго не продержится, все равно скоро будет война и снова все будет по-старому». Так ли это?

– Нет, этого я не говорила.

Виновной себя перед советской властью блаженная не признала. Но что было делать с калеккой, само содержание которой в тюрьме было для властей неудобным, а по известности блаженной среди народа могло быть и хлопотным, – и на следующий день после допроса она была отправлена в тюрьму в город Котлас.

23 ноября 1937 года тройка НКВД приговорила блаженную Нину к восьми годам заключения в исправительно-трудовой лагерь. Блаженная Нина была отправлена в один из лагерей Архангельской области, но недолго пробыла здесь исповедница – 14 мая 1938 года блаженная Нина скончалась.

Игумен Дамаскин (Орловский). «Жития новомучеников и исповедников
Российских XX века. Май». Тверь. 2007. С. 4-12

Библиография

Игумен Дамаскин (Орловский). Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Книга 5. Тверь, 2001. С. 93-100.